

*Все́му свое время,
и свой срок всякой вещи под небесами...
Когелет, 3:1*

*Что предстоит пережить, должно быть пережи-
то; должно быть пережито то, что скрывают со-
бой круги времени.*

*В радости не думаешь о слезах, в танце не пом-
нишь о трауре, не мечтаешь о будущем счастье, ког-
да все рушится вокруг... Однако смотри на все это
как на единый и неделимый поток и помни: не суще-
ствует ни судьбы, ни неодолимых обстоятельств
и в самые тяжелые минуты нет причин опускать
руки...*

*Время — это не сокровищница с щедрыми дарами.
Его мгновения не таят в себе ничего. Каждое из них
становится только тем, чем наполнит его человек.
Время создается каждой каплей сущего.*

*Время — чистая тетрадь, что в нее запишешь,
то и прочтешь.*

Время скорбеть

Декабрь 1990, Улус¹

— Доктор-бей, хотите, я помою памятник? — раздался голос сторожа.

— Потом, — отозвался мужчина.

Писатель, посетив могилу отца, уже шел к выходу, но, поддавшись любопытству, замедлил шаги и исподволь взглянул на него. Лицо мужчины, которого сторож назвал доктором, показалось неувловимо знакомым. Глаза закрыты темными очками, голова непокрыта, волосы уже седые, но густые и вьющиеся. Не похож он на еврея.

Не удержавшись, писатель остановился, чтобы рассмотреть его внимательнее. Незнакомец был из тех, кто притягивает к себе взгляды.

¹ Улус — район в европейской части Стамбула, где расположено еврейское кладбище. В начале каждой главы указано место ее действия, как правило, различные районы Стамбула, как на европейском, так и на азиатском берегу. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — прим. пер. и ред.*

А тот стоял у надгробия, совершенно не замечая, что за ним наблюдают. Положил на плиту букетик зимних гиацинтов. Плотнее запахнул длинное черное пальто, поправил на шее платок и что-то прошептал. Может, он все же иудей и читает молитву? Но тогда бы не стоял у могилы с непокрытой головой.

Человек опустил на колени и обеими руками обнял надгробие, продолжая шептать.

— Доктор Исмаил-бей часто приходит сюда. Однажды он сказал мне, что так утоляет тоску по жене, — тихо произнес подошедший сторож.

Так вот кто это! Исмаил Босналы, знаменитый хирург!

Когда-то люди в очередь выстраивались, чтобы попасть к нему на операцию. Он был одним из лучших. Но занялся политикой. Газеты писали, что он опорочил себя после 12 сентября¹. Ходили слухи, что он пьет, что у него дрожат руки и оперировать он уже не может.

Так значит, он пришел на могилу жены.

Писатель даже вспомнил ее имя: Фрида. Фрида Шульман. Подробностей их истории писатель не знал, слышал, что для семьи Фриды ее решение выйти за мусульманина стало настоящей трагедией.

Исмаил Босналы поднялся, отряхнул пальто, вновь поправил шейный платок и направился к железным решетчатым воротам. На старых фотографиях он выглядел подтянуто, но теперь спина его

¹ Т. е. после 12 сентября 1980 года, когда в Турции случился военный путч, за которым последовали массовые репрессии левой оппозиции.

ссутулилась, черты лица заострились, кожа посере-
ла. На застывшем, словно мертвом, лице отпечата-
лись скука и разочарование.

Перед тем, как выйти на улицу, доктор сунул ча-
евые сторожу и произнес: «Привези сына в больни-
цу, постараюсь что-нибудь сделать».

Писатель подошел к могиле.

«Фрида Босналы, 1921–1965».

Значит, эта Фрида умерла сравнительно молодой.
А ее муж и четверть века спустя приходит на клад-
бище, чтобы «утолить тоску по жене». Какая пре-
данность...

Вновь подошел сторож и сказал, глядя на над-
гробие:

— Парень, который до меня работал, рассказы-
вал, что ее поначалу отказывались хоронить здесь.
Мол, вышла замуж за мусульманина, большой грех
по-вашему.

— А как же похоронили?

— Как-как! У доктор-бея полно знакомых. Он
пол-Стамбула поставил на уши. Молодая она была, из
хорошей семьи, жаль ее! Да покоится она с миром!

— Аминь!

— Я слышал, от рака умерла. Коварная болезнь.
Сгорела в несколько месяцев. Эх, жизнь! Сейчас ты
есть, а через мгновение тебя нет.

Когда Фриды не стало, для Исмаила наступило
время скорби.

Кажется, именно в тот день писателю запало
в душу желание поведать миру о великой любви
Исмаила и Фриды, любви, пустившей ростки в эпоху,

когда человечество и мир лишились рассудка. В память о них он рассказал, как они проживали любовь, ненависть, радость, печаль, войну и мир, как познавали, что такое ломать и что такое строить. Рассказал о том, что они записали на чистых страницах тетради, называемой временем... Рассказал так, словно они живы, влюблены и идут рука об руку, улыбаясь будущему...

Время любить

Сентябрь 1940, Бязыт

— Война все спишет! А то я всех бы вас тут и оставил. Не посмотрел бы ни на чьи слезы!

Голос с немецким акцентом, эхом разлетавшийся по просторной аудитории, принадлежал ординарному профессору доктору Питеру Шульцу. Понимались смешки. Фрида тоже улыбнулась. «Надо же, — подумала она. — Питер-ходжа¹ умудряется даже шутить на своем хромом турецком!» Гнев учителя ее не пугал. К таким старательным и внимательным студентам, как Фрида, Шульц был бесконечно снисходителен. К тому же она говорила по-немецки и задавала вопросы напрямую, без переводчика. Но преподавателя и студентку роднило еще и то, что оба были евреями и беженцами.

Снова загремел голос Шульца. На этот раз профессор обрушился на ассистента, переводившего лекцию.

¹ Ходжа — традиционное обращение к преподавателю либо наставнику в Турции.

— Мальчик мой, ты сочиняешь! Я этого не говорил!

Вновь пронеслась волна смешков. Шульц был самым ярким из всех немецких профессоров, кто бежал в Турцию и получил пристанище в университете¹. Заскучать на его лекциях было невозможно.

Фрида краем глаза посмотрела на часы. Они уже опаздывают на практикум по анатомии. Стоял погожий сентябрьский день, но из разбитого окна, у которого она сидела, дул свежий ветерок, заставляя поеживаться.

В морге Фрида, вдыхая едкую смесь формалина и гниения, начала искать глазами студента пятого курса, выполнявшего обязанности лаборанта. Горделивый вид, с каким этот красавчик стоял, словно статуя, в прошлый раз рядом с преподавателем, одновременно притягивал и раздражал ее. Интересно, что он о себе воображает?! Пусть он хорош собой, но зачем стоять на уроке как памятник? Но, кажется, сегодня пятикурсника не было. А даже если бы он и был здесь, что с того? Он другой веры. У них нет ничего общего. Самое правильное — немедленно выкинуть его из головы и сосредоточиться на работе.

¹ В 1930-е годы в Турцию приехало много университетских преподавателей «неарийцев», бежавших из Германии после прихода к власти нацистов. Одновременно в Турции проводилась университетская реформа, в рамках которой турецкие вузы стали активно приглашать на работу иностранных профессоров, в том числе и немецких, которые работали в Турции с согласия нацистского режима.

Анатомия началась в этом году. Фрида с таким увлечением слушала лекции о мышцах, сухожилиях, клетках, что даже забыла испугаться, когда впервые увидела труп. Ни тошноты, ни головокружения, лишь легкая, тут же унявшаяся дрожь...

Они, как всегда, приготовили инструменты, надели перчатки и группами по двенадцать-пятнадцать человек принялись за работу. Голова, шея, верх, низ... Студентам приходилось препарировать, стоя чуть ли не нос к носу. Группа, в которой работала Фрида, начала с верхней части тела, затем перешла на нижнюю и, наконец, приступила к голове.

Когда дошла очередь до Фриды, она замешкалась. Ей вдруг показалось невозможным вонзить бистури в носогубную складку молодой светлокожей женщины. Она никак не могла решиться, руки словно онемели. «Страшно резать лицо, пусть даже мертвое. Ведь при жизни оно выражало счастье, грусть, волнение, гнев», — пронеслось у нее в голове. Все равно что вскрыть душу. А ведь если бы у этой женщины, лежащей сейчас в ярком свете хирургических ламп, были семья, близкие и друзья, к ней бы никто не прикоснулся. Значит, при жизни она была сиротой без роду без племени, поэтому с ее телом можно было делать все, что заблагорассудится. От этой мысли Фриде стало еще тревожнее. Ей показалось, что студенты проявляют к умершей жестокость и неуважение.

— Нет, так не пойдет! С такими мыслями ты не сможешь работать. Смотри, скольких людей ты заставляешь ждать. Тебе не стыдно?

Погруженная в печальные размышления Фрида вздрогнула, услышав этот голос у себя за спиной.

Она покраснела и обернулась. Вчерашний студент-лаборант насмешливо смотрел на нее своими ярко-голубыми глазами.

— Простите, — пробормотала она и тут же сделала надрез. Неприятно, что ее застали врасплох, когда она дала чувствам взять над собой верх. И кто же смог прочесть ее мысли? Тот самый пятикурсник!

Красавчика звали Исмаил. Исмаил Босналы. Сам профессор Пьер Лавас, приглашенный из Европы, чтобы «показывать молодым коршунам, что, как и откуда вырезать», то есть вести занятия по практической анатомии, выбрал этого блестящего студента в ассистенты.

Отчитав Фриду, Исмаил подошел к другому трупу и, сжимая в руках бистури, принялся профессорским тоном наставлять студентов:

— Кожу с волосами следует оттянуть либо назад, либо вперед, череп следует вскрывать по кругу.

Студенты столпились вокруг стола, чтобы видеть его манипуляции.

Фриде наконец удалось взять себя в руки. Они внимательно слушала объяснения Исмаила и следила за его действиями, хотя ей пришлось изо всех сил тянуть шею и встать на цыпочки. Она даже задала несколько вопросов, на которые Исмаил отвечал с неожиданной улыбкой.

— *Bon!* Хорошо! — перебил студента профессор Лавас. — Надеюсь, вы все усвоили. Помните, жизнь ведет вас от колыбели к могиле, а медицинское образование — от трупа к диплому!

Занятие было окончено.

На следующий день в обед Фрида искала тихий уголок в университетском саду, чтобы съесть домашний бутерброд с сыром, как вдруг заметила Исмаила. В руках у него были хлеб и бумажный пакет. Взгляды их встретились, он улыбнулся Фриде, подошел и протянул пакет:

— Хочешь маслин?

— Нет, спасибо.

Они уселись на еще влажных после утреннего дождя лавках на главной садовой аллее. Исмаил снова улыбнулся, и в его улыбке мелькнула робость, тронувшая Фриду.

По аллее приближались трое студентов, громко болтая и пересмеиваясь. Это были университетские модники: фетровые шляпы с узкими полями, рубашки с высоким воротом, свободные пиджаки с большими карманами, небрежно накинутые черные плащи. Они оживленно обсуждали какую-то актрису, чью-то жену.

— Исмаил! Как дела?

— Исмаил, пойдём в «Эмин-эфенди», там сегодня кюфта и плов с фасолью и, говорят, еще и наливают настоящий кофе!

— Да какой настоящий, из нута!

— Я занят. А вам приятного аппетита.

Фрида заметила, что Исмаил слегка помрачнел и улыбнулся, но на этот раз неестественно. Они оба провожали глазами удалявшуюся тройцу, пока та не скрылась из виду.

Исмаил пробормотал:

— У этих пижонов никаких забот...

Помолчав немного, добавил обычным голосом:

— Только что я вернулся из клиники в Шишли. Все факультетские практикумы в разных концах города: родильное отделение — в Хасеки, хирургия — в Хасеки или в Гуреба, психиатрия — в Бақыркёе. Весь день уходит на разъезды. Пообедать удается только на бегу, хлебом с маслинами.

Они еще несколько минут поболтали о лекциях и преподавателях.

— О, мне пора, уже опаздываю, — внезапно прервал беседу Исмаил.

Однако, сделав пару шагов, он обернулся:

— Ты в библиотеку ходишь?

Нет, в библиотеку Фрида заходила нечасто, предпочитая вечером, после занятий, сразу возвращаться к себе, в свою уютную комнату, где ей было так хорошо заниматься.

Исмаил все медлил.

— Вообще-то в библиотеке всегда людно, свободного места не найти. Но можно вечером оставить на столе тетрадь; если повезет и служитель не заметит, она пролежит до утра или... или иногда достаточно быть красивой девушкой! — сказал он, глядя Фриде прямо в глаза.

После обеда Фрида никак не могла сосредоточиться на учебе. Ей следует держаться подальше от Исмаила, повторяла она себе. Но он ей очень нравился, и она чувствовала, что и он обратил на нее внимание. И что, начни они чаще видеться, вряд ли смогут удержаться в границах дружбы. Фриде стало страшно, очень страшно... Совсем как в детстве, когда она тянула руку к чему-нибудь опасному, а ее предупреждали: «Ай-ай-ай, не трогай!»

Не приближайся к нему! Исмаил опасен для тебя! Веди себя с ним как со всеми. Не вздумай разговаривать дольше, чем с другими, а если заговоришь — не вздумай улыбаться, чтобы он не решил, что ты в него влюблена... Будь осторожна и благо-разумна!

Вечером она направилась в библиотеку.

Там все было так, как описал Исмаил, не было только самого Исмаила. Но она решила не сдаваться и приходила в библиотеку два вечера подряд; после того, как все задания, что она себе выдумала, были сделаны, она отправлялась бродить по библиотечным коридорам или заглядывала в зверинец в павильоне по соседству с главным входом. Запахи зверинца проникали даже в читальный зал, а порой бляенье или мычание заглушали перешептывания студентов, скрип перьев и шорох страниц.

Понаблюдав за животными, посочувствовав им в их тесных вольерах, Фрида, в последний раз оглянувшись по сторонам, отправлялась домой. Она не решалась признаться себе, что приходит сюда только затем, чтобы увидеть Исмаила.

Столкнулась она с ним на выходе из университетского двора, в пятницу, после занятий. Сердце ее заколотилось как бешеное, но она лишь слегка кивнула ему и уже собиралась пройти мимо, как юноша со смехом преградил ей путь.

— Куда это вы так торопитесь, юная госпожа?

Не дожидаясь ответа, он помахал книгой, которую держал в руках: сейчас он отдаст ее приятелю и будет свободен.

— Смотри никуда не уходи! — крикнул он уже на бегу.

«Что он себе думает? — подумала Фрида. — Я что, игрушка? С какой стати я должна его тут ждать? Сколько еще?»

И осталась ждать.

Исмаил вернулся и, слегка приобняв ее, спросил, найдется ли у нее время для бедолаги, с утра до вечера сгорающего на работе?

— Мне нужно в Каракёй, на пристань, чтобы успеть на паром до Кадыкёя в полшестого, — ответила Фрида.

Но Исмаил не сдавался.

— Быстрым шагом успеешь. К тому же погода хорошая! Хочешь, я тебя провожу?

Фрида молча кивнула. Лишь бы Исмаил не догадался, как колотится ее сердце, не заметил, как глухо звучит ее голос.

Стоял дивный вечер. Они вышли из главного университетского входа в квартале Беязыт, прошли мимо мечети Сулеймание, мимо Египетского базара, наполнявшего всю округу ароматами специй, и быстро спустились по Мерджан прямо к пристани Каракёй.

По дороге они болтали о пустыках, а потом Исмаил предложил завтра сходить в кино.

— К сожалению, не смогу, — вздохнула Фрида. — Я до воскресенья останусь в Мода.

— Ну вот, а я хотел пригласить тебя погулять в Бейоглу, съесть кюфту или сэндвич с сосиской. Тогда через неделю? — тут же сказал Исмаил.

— И через неделю не получится. Я каждую пятницу сажусь вечером на паром и на все выходные

уезжаю к родителям в Мода. Отец ни за что не разрешит мне остаться!

Фрида сразу пожалела о своей резкости и попыталась сгладить ее. Они могут сходить в кино на неделе, сказала она, но вот насчет поесть... Ест она только то, что приготовит сама.

— Мы иудеи и соблюдаем кашрут, — попыталась объяснить Фрида. — Молоко с мясом считаются у нас...

— Я знаю, что такое кашрут, — перебил ее Исмаил. — Я вырос в еврейском квартале в Измире. Наши соседи были иудеями. Насчет мяса и молока я не понимаю, но свинину они тоже не ели, как мусульмане, и еще чего-то не ели. А с вечера пятницы и по субботам не зажигали огонь. Мы, дети из турецких семей, за несколько курушей¹ разжигали им печи и мангалы, а если нас не звали, то мы сами начинали кричать у них под дверь: «Зажжем огонь!»

Он пожал плечами.

— Так значит, ты верующая. Я-то нет. Из уважения к отцу я пару раз ходил в мечеть и держу пост в рамазан. Вот и все.

Так, за разговором, они дошли до пристани и условились на следующей неделе сходить в кино.

— Можем как-нибудь поесть симиты², если хочешь, — предложила Фрида. — Их мне можно.

Они вновь заговорили о медицине. Исмаил рассказал, как, работая в анатомичке, заинтересовался

¹ Мелкая турецкая монета, имевшая хождение до 2005 года, 1/100 часть лиры.

² Симит — традиционный бублик.

хирургией и теперь хочет специализироваться именно в ней.

— Представь, ты разрезаешь больному грудную клетку или брюшную полость, — говорил он взволнованно, — находишь больной орган, чинишь его, а затем все закрываешь и сшиваешь! Все в твоих руках!

На вопрос Исмаила Фрида, не задумываясь, ответила: «Педиатр», и юноша чуть надменно усмехнулся:

— Ну конечно, как большинство девушек!

А тем временем Фрида, глядя на ямочки на его щеках, когда он улыбался, думала о том, что никогда еще не встречала никого симпатичнее.

Исмаил крепко сжал руку Фриды и не отпускал ее до тех пор, пока они не дошли до кассы. Прощаясь, они договорились встретиться в понедельник.

Садясь на пароход, Фрида все еще ощущала на ладони тепло руки Исмаила. Ответить на его интерес, позволить ему держать себя за руку — опасные шаги, ей снова стало страшно. Но думать о возможных неприятностях в будущем не хотелось.

Мягкое покачивание парохода, морской ветер, знакомые пассажиры на обычных своих местах, привычные разговоры — все это немного успокоило ее. Веселые студенты с учебниками в руках, серьезные коммерсанты с моноклями, обсуждавшие политику, армянские, греческие и еврейские семьи, говорившие на ломаном турецком, — все они напоминали актеров, безупречно игравших свои роли в уже давно идущей постановке.

Фрида все перебирала подробности разговора с Исмаилом.

Он сказал, что раз или два в неделю ходит на курсы иностранного языка, и посетовал, что занятия заканчиваются очень поздно.

Набравшись смелости, Фрида предложила:

— Если хочешь, я могу помочь тебе. Я хорошо говорю по-французски и по-немецки.

Не успела она договорить, как почувствовала, что краска бросилась ей в лицо. Исмаил мог решить, что она самовлюбленная всезнайка.

Но Исмаил, напротив, обрадовался:

— Было бы здорово, спасибо! Так я сэкономлю кучу времени. Я немного знаю оба эти языка. Будем по вечерам встречаться в библиотеке или где-нибудь в кафе в Беязыте, и ты поучишь меня. А если тебе нужна помощь, пожалуйста, обращай только ко мне, по любимым предметам.

Исмаил успел рассказать о своей семье. Они были родом с Балкан, отец военный, дослужился до капитана и вышел на пенсию. Одна старшая сестра работает в банке, а другая — учительница; старший брат где-то служит в безопасности, а младший учится в лицее. Живут они стесненно, и поэтому Исмаил начал подрабатывать, еще учась в лицее.

— Мы живем все вместе, обсуждаем все свои дела и участвуем в жизни друг друга. Сестра Исмигюль поступила на юридический по настоянию отца, правда, не смогла доучиться. А я пошел на медицину под влиянием другой сестры, — признался он.

Июнь 1935, Кадырга

Последний день учебы в лицее! С утра Исмаил с нетерпением ждал, когда же наконец можно будет уйти из дома. Он сидел в майке и трусах, пока мать ушивала для него старые отцовские армейские брюки.

— Вот, сынок, готово. Носи на здоровье!

Исмаил пробормотал слова благодарности и торопливо натянул штаны из грубой ткани защитного цвета. Отец был невысоким и толстым, а Исмаил вырос высоким и стройным, и потому, как мать ни старалась, все равно штаны оказались коротковаты и висели мешком. Посмотревшись в маленькое зеркало у входа, он пригладил выющиеся каштановые волосы, никак не желавшие слушаться. В задний карман брюк положил маленькую тетрадь и карандаш.

Перед тем как уйти, Исмаил посмотрел на отца. Тот, как обычно, сидел, скрестив ноги, на сидире¹, с четками в руке и газетой на коленях. Добрый взгляд голубых глаз, которые унаследовал от него Исмаил, где-то витал. Безмятежность капитана Асим-бея могли нарушить лишь пятикратный намаз да домашние хлопоты.

Говорил отец мало, когда бывал в хорошем расположении духа; иногда он принимался заново пересказывать свою «прежнюю жизнь» — дети готовы были без конца слушать его историю о том,

¹ Седир — длинный диван, стоящий обычно по периметру комнаты, на котором сидят днем и спят ночью.

как, изгнанный с Балкан, он подался в рекруты, прошел мировую войну, был направлен на службу в Саудовскую Аравию, участвовал в войне за независимость¹...

Сколько помнил себя Исмаил, отец не работал и у них никогда не было денег. «Как и тысячи тех, кто прошел войну», — вздыхал отец. Единственное, что могло заставить его что-то предпринять, — стремление дать детям образование. В этом его горячо поддерживала жена, которая сама читать и писать не умела. Оба без устали твердили сыновьям и дочерям об образовании и были готовы на любые жертвы ради него.

Когда Исмигюль закончила на «отлично» лицей, они переехали из Измира в Стамбул, чтобы она могла поступить на юридический факультет. Тогда же сестра Баисе, учительница, развелась с мужем, попросила о переводе в Стамбул и переехала к родным. Исмигюль действительно поступила на юридический, но, проучившись два года, провалила на днях экзамен по экономике. К тому же срок обучения увеличили с трех лет до четырех. Семья, которая ютилась в двух съемных комнатках в Кадырге, впала в отчаяние. «Мы пропали, — все повторял Асим-бей, узнав новость. — Мы не можем позволить себе ждать еще два года». Он мерил шагами комнату, как лев в клетке, всем видом выражая

¹ Война за независимость (1919–1923) — национально-освободительное движение во главе с Мустафой Кемалем против иностранной военной интервенции. Завершилась провозглашением Турецкой Республики.

разочарование. Исмигюль слушала отца, понурилась головой.

Вручив брюки сыну, Фахрие-ханым¹ тут же принялась хлопотать по дому: вооружившись ведром и тряпкой, уже мыла полы.

Исмаил порывшись в горе обуви перед входной дверью и, отыскав, надел свои старые — заплатка на заплатке, — подбитые большими гвоздями башмаки. Наконец он вышел на улицу и быстро зашагал по проспекту Лиман, в прохладной тени распускавших цветы каштанов, в сторону квартала Вефа. Два года назад, когда они только-только приехали в Стамбул, старшая сестра Баисе записала его в местный лицей. Сегодня ему вручали аттестат. Пришло время выбирать будущую профессию.

Несколько часов спустя он разглядывал новенький документ: физика, химия, алгебра, космография — сплошь «отлично» и «хорошо». Единственное «удовлетворительно» было по географии.

Последний школьный день, как это обычно бывает, прошел в прощаниях, обещаниях непременно встречаться и в обсуждении планов. Кто-то стремился в чиновники, кто-то мечтал о свободной профессии. Исмаил подумал, что почти ни один из его приятелей не свободен в выборе. Влияние семьи было очень велико. Многих из тех, кто хотел пойти на государственную службу, отговаривали отцы. В медицину не стремился никто:

¹ Ханым (*тур.*) — госпожа, хозяйка, уважительное добавление к имени, профессии или званию женщины.

на врача учиться долго, а для всех был важен за-работок.

Вечером Исмаил вернулся домой; в кармане у него вместе с тетрадью и аттестатом лежала фото-карточка на документы, которую он сделал на вся-кий случай. Он пока так и не выбрал, на какой фа-культет пойдет.

Уже из прихожей он услышал, как домашние про-должают говорить об отчислении Исмигюль, и ему стало тоскливо.

Никто толком и не посмотрел на его аттестат. Только Баисе расцеловала Исмаила, погладила по плечу и спросила:

— Ты решил, куда будешь поступать?

— Я никак не могу выбрать, все время об этом думаю, — немного раздраженно ответил Исмаил, зная, что последует дальше.

Баисе не заставила себя ждать:

— И долго ты еще собираешься думать, Исмаил? Пора уже выбрать! Университеты ждать не будут! Вспомни, что я тебе говорила! Не пренебрегай ме-дициной! Профессия врача — самая почетная! Ког-да я иду в школу через квартал Чагалоглу, я всегда читаю фамилии врачей на табличках у дверей особ-няков. Поверь мне, в этот момент я испытываю гор-дость за них! Нешет Омер, Мазхар Осман, Тевфик Салим. Великие, уважаемые всеми люди, они слу-жат человечеству, дарят здоровье. Да храни их Ал-лах ради нас!

— Аминь, аминь! — раздался голос младшего бра-та Исмета. Исмаил еле сдержался, чтобы не рассме-яться. Баисе сердито посмотрела на мальчика:

— Помолчал бы лучше! А то поговорим про твои оценки!

Братья переглянулись. Да, нелегко, когда твоя сестра учительница и к тому же живет с тобой в одном доме.

Тем временем мать накрыла на полу ужин, поставила кастрюлю с чечевичным супом и хлеб. Все усьелись обедать. Воцарившуюся тишину нарушил глухой, осипший от курения голос капитана Асима, который еще не высказался о будущем Исмаила.

— Слышал я, что министерство здравоохранения раздает стипендии на обучение. Целых шесть лет тебе будут оплачивать все: питание, одежду, тебе дадут место в общежитии. Кажется, и на расходы выдавать немного будут. Взамен после диплома нужно четыре года проработать в Анатолии.

— Как чудесно! — немедленно встряла Баисе. — И выучишься бесплатно, и стране послужишь!

— Баисе права! — спокойным и твердым голосом добавил отец. — Это самое важное: ты станешь врачом, будешь служить людям, сынок!

Капитан Асим-бей прошел две войны, но в детях неизменно воспитывал уважение к каждому человеку, какой бы национальности он ни был. Исмаил уже много лет размышлял над этими наставлениями, которые так часто слышал. Наверное, у отца были причины так думать. Ведь он сам юношей был вынужден покинуть родные Балканы. И своими глазами видел, как быстро и часто могут меняться границы куска суши, который зовется родиной.

Исмаил молчал. Он посмотрел на стены с облупившейся штукатуркой, рваный линолеум, на за-

стиранное ситцевое покрывало на седире, матрасы, служившие семье постелями и стоявшие сейчас в углу, в ожидании, когда наступит вечер и шесть человек, как всегда, кое-как разместятся в двух комнатных, пропитанных застоялым духом вареного лука, а среди ночи всех перебудит отрывистый кашель отца. Исмигюль говорит, что ищет работу. Как быстро она сможет ее найти? Исмаил почувствовал, что еще не наелся, и потянулся за добавкой, но кастрюля уже опустела.

Если он поступит на медицинский и переедет в общежитие, как советует отец, то ему не придется возвращаться каждый вечер домой, не придется брать деньги у семьи. Раз медицина дарит такую возможность, грех ей не воспользоваться.

— Всем прекрасно известно, — вновь заговорила Баисе, — как остро Анатолия нуждается во врачах. Особенно для лечения туберкулеза и малярии!

Да, врачи были нужны Турции. Слова сестры ему пришлись по душе. Он получит уважаемую профессию, будет помогать людям! Это очень важно! Теперь он был твердо уверен.

— Хорошо. Завтра подам документы на медицинский, — улыбнулся он.

Сентябрь 1940, Мода

Двухэтажный деревянный дом в самом конце улицы, кое-как вымощенной брусчаткой, всегда навевал Фриде уверенность и спокойствие. Стоило ей взбежать по трем каменным ступеням и повернуть